

Смолякова, М.С. (Чернова, М.С.) «Ему был свойственен свой личный путь и особый удел...» (С.Н. Булгаков о назначении таланта А.С. Пушкина) / М.С. Смолякова // А.С. Пушкин в современном мире: текст и контекст : сб. научн. трудов под общ. ред. Т.В. Сенькевич – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина. – Брест, 2009. С.53-57.

М.С.Смолякова
(г. Могилев)

«ЕМУ БЫЛ СВОЙСТВЕНЕН СВОЙ ЛИЧНЫЙ ПУТЬ И ОСОБЫЙ УДЕЛ...» (С.Н. БУЛГАКОВ О НАЗНАЧЕНИИ ТАЛАНТА А.С. ПУШКИНА).

Творчество А.С. Пушкина всегда было в центре внимания филологической науки и литературной критики. В эпоху культурного ренессанса начала XX в. наметились пути исследования «целостного духа поэта» (С. Франк). Тайну духа, тайну творчества и тайну личности Пушкина пытались «разгадать» Вл. Соловьев, Д. Мережковский, В. Ильин, П. Струве, С. Франк... Особый вклад в осмысление личной и творческой судьбы Пушкина внес религиозный философ и богослов С.Н. Булгаков, который поставил в своих литературно-критических статьях вопрос о предназначении художественного дарования великого поэта.

Русская критика называла талант Пушкина гуманистическим, оптимистическим, философским. В статье Булгакова «Моцарт и Сальери» (1918) впервые рядом с именем поэта появилось определение «трагический». Философскую трактовку этого понятия Булгаков дал в «Русской трагедии» (1914). С его точки зрения, оно означало состояние человека, «оторвавшегося» от Бога, и падшего мира вообще. Трагическое, подчеркивал критик, проистекает в жизни человека из его свободы и борьбы не с внешними обстоятельствами, а с самим собой. Свобода сопрягается с миром личности, с внутренним выбором добра или зла, причем компромисса, полувывора, быть не может.

В «Моцарте и Сальери» Булгаков писал о драматическом шедевре Пушкина, художественно исследующем проблему «талант и высший нравственный закон». К личной судьбе поэта Булгаков обратился в работе «Жребий Пушкина» (1937), приуроченной к столетию его смерти. Небольшое, в сущности, по объему, оно подводило итог его многолетним размышлениям об искусстве. Причем от частного, от обсуждения трагиче-

ской судьбы конкретной творческой личности автор шел к общему, к выводам о природе и назначении художественного таланта.

«Талант, - писал Булгаков, - есть способность воспроизведения метафизического откровения Премудрости Божьей в разных формах: религиозной – в виде мифов и символов, философской – в виде гениальных интуиций философских гениев, художественной – в творениях искусства» [1, с.158]. Великим поэтом называл он Пушкина, гениальность которого критик объяснял тем, что, «будучи менее всего философом по складу своего ума, Пушкин являлся мудрецом относительно поэзии как служения Красоте» [2, с.280]. Конечно, Булгаков приписывал ему свое понимание сущности и назначения искусства, когда говорил, что Пушкин «твердо знал, что поэзия приходит с высоты и вдохновение от Бога». «Веленью Божию, о муза, будь послушна», - эти пушкинские слова и стихотворение «Пророк» служили критику доказательством того, что поэт понимал творчество как служение и послушание, наложенное не него самим Богом.

В статье «Человек и художник» (1911) Булгаков писал о том, что гармония деятеля искусство со своим божественным даром достигается лишь в том случае, когда он «религиозно спокоен». В «Жребии Пушкина» Булгаков прослеживает путь поэта к этой гармонии.

Пушкин принадлежал к «культурному слою старинного русского дворянства». Поэтому, вынужден признать Булгаков, его религиозность долго была «барски поверхностной», «с неопределенным язычеством словесия и эпохи» [2, с.247]. Автор статьи не мог удержаться, чтобы не упрекнуть Пушкина за то, что он не «приметил» Оптиной пустыни с ее старцами, ничего не написал о Тихоне Задонском, что не состоялась его встреча с великим современником – Преподобным Серафимом. Но Булгаков тут же объясняет, что на Пушкина, как и на многих образованных людей его времени, отрицательное влияние оказало французское Просвещение XVIII века с его эпикурейством, вольтерьянством, религиозным неверием. Именно в увлечении просветительскими идеями Булгаков усматривает источник «разлитой в тогдашнем обществе революционности» и «юношеского героизма» Пушкина. Поэтому и декабристам он не прощает «интеллигентскую утопичность и барскую беспочвенность». Следуя логике Булгакова, можно было ожидать неприятие вольнолюбивой лирики Пушкина. Однако автор статьи высоко отзывается о ней, поскольку усматривает во многих стихотворениях, начиная «Деревней» и кончая «Памятником», связь идей «свободолюбия» с «народолюбием». Именно «народолюбие» Пушкина обусловило «в пору его зрелости духовное возвращение на родину, конкретный историзм в мышлении, почвенность» [2, с.278]. Другими словами, преодоление западного влияния, возврат к русским духовным ценностям – вот что позволило Пушкину понять «значение право-

славия в исторических судьбах русского народа» и обрести «почву», «русскость».

В рассуждениях Булгакова о «беспочвенности» декабристов и «русскости» Пушкина прочитываются мысли, высказанные им в статье «Героизм и подвижничество» (1909), вошедшей в знаменитый сборник «Вехи». В ней он обвинил русскую интеллигенцию в оторванности от национальных корней, что поставило ее в «позицию героического вызова и героической борьбы» не только по отношению к общественному строю, но и к истории, и к вековым традициям своей страны. Пушкину помог преодолеть и нигилизм, и разрыв с родной историей, и со своим народом именно божественный дар таланта. «Великому сыну России» «был свойственен свой личный путь и особый идеал – предстание перед Богом в служении поэта». Осознание творчества как «священного и страшного» служения небесной Красоте сделало Пушкина подвижником. А подвижники, подчеркивал автор «Героизма и подвижничества», находят «духовное здоровье и восстановление сил лишь у ног Спасителя» [3. с.342].

Булгаков не раз писал о «красоте эстетической» и «красоте эстетической». Он предупреждал об опасности как для художника, так и для публики возможной подмены «двух видов красоты»: «красоты Мадонны» «красотой Содома». Форма, не освященная религиозной идеей, отражает распад творческой личности, а публика получает не произведение искусства, а «мареву и наваждение». Гениальный художник знает, что источник Красоты на небесах, что она от Духа Святого, а потому он понимает истинное назначение его творчества. Но, если он допускает грех измены этому назначению, трагедия его личной и творческой судьбы неизбежна.

К трагедии привела Пушкина подмена высшей, небесной Красоты земной, бесовской. О существовании «двух видов красоты» знал по своему, конечно, и Пушкин, который являлся одновременно служителем красоты, как ее пленником», - замечает Булгаков [2, с.280]. «Отношение между поэтом и человеком в поэзии» привело к трагическому противоречию, - считает он. Поэта на его земном пути предостерегала земная красота, «а страсть к ней в земных воплощениях таит трагедию и смерть» [2, с.284]. Булгаков повторяет бытовавшее в его время расхожее мнение, что Н.Н. Пушкина была равнодушна к творчеству гениального своего мужа, из нее не получилась хозяйка и хорошая мать, а призвание состояло в том, чтобы быть «царицей балов».

Соблазнившись красотой земной, продолжает Булгаков, Пушкин как поэт стал утрачивать духовный источник творчества, «несмотря на то, что в его распоряжении оставались все художественные средства его поэтического дарования, вся палитра красок». Налицо трагическая вина поэта, ко-

торая привела к смерти физической. Однако смерть стала победой духа небесного над «бесовским».

Важнейшую характеристику трагического – катарсис – Булгаков рассматривал как нравственное очищение, возможное только через религиозное возрождение человека, т.е. через возвращение его к Богу. Следовательно, трагическое, по Булгакову, не безысходно. И в жизни отдельной личности, и в судьбе народа и страны он усматривал высший смысл. Согласно оптимистическому христианскому учению о грядущем Царстве Божиим, «в движении к запредельной цели возможен только перерыв, но не остановка. По слову Апостола, «не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем» [4, Т.1, с.21]. Так и в жизни Пушкина были ошибки, были соблазны, но, погибнув сам, он не стал убийцей, не нарушил заповедь «не убий». Простив перед смертью всех врагов своих, «на смертном одре поэт-христианин <...> снова поднимается до просветления пророка, чрез смерть восходя к духовному воскресению<...>» [2, с.298]. В духовном преображении Булгаков усматривает катарсис, просветляющий конфликт «двух видов красоты», и разрешение трагической судьбы Пушкина.

Этот отрывок, однако, заслуживает более внимательного прочтения. «Погибнув сам, он (Пушкин – М.С.) не стал убийцей, - пишет Булгаков. А если бы поэт убил Дантеса? Как бы отнесся к этому факту автор статьи? Ответ на этот вопрос мы находим в его работе «Моцарт и Сальери». «Гений и злодейство – две вещи несовместные», - сказал Пушкин устами Моцарта. Эту фразу в духе своей философско-эстетической концепции интерпретировал Булгаков. Гений-убийца «совершает духовное самоубийство». Его ждет известная судьба - «шед удавился» [5, с.51]. «Духовное самоубийство» в том смысле, что, совершив преступление, творческая личность сама разрывает связь с Богом. Она лишается божественного дара, и гений перестает быть гением.

Здесь же прозвучало слово «пророк». В толковом словаре В.И. Даля оно трактуется как «озаренный Богом провозвестник, кому дано откровение будущего» [6, Т.3, с.505]. В понятие «пророк» Булгаков также вкладывал двойной смысл: истолкователь воли Бога и предсказатель будущего. Поэт, считал автор статьи, верно угадал сущность искусства, и, пройдя все искушения на своем земном пути, он не изменил делу служения истинной Красоте, той, что от Духа Святого.

«Трагическая гибель явилась катарсисом его трагической жизни, очищенная и свободная вознеслась душа Пушкина», - пишет Булгаков [2, с.288]. Смерть и победа над смертью, «смертию смерть поправ», духовное воскресение – вот смысл катарсиса. Отсюда Булгаков делал вывод, что Пушкину выпал пророческий жребий: его творческая судьба раскрывала истинное назначение художественного таланта; его личная судьба указы-

вала путь к духовному воскресению нации через обретение утраченного в ходе исторических катаклизмов единственно возможного идеала Добра и Красоты.

Такая точка зрения на роль Пушкина в нашей истории и культуре многим современникам Булгакова казалась неправомерной. С выводами, прозвучавшими в его статье, не согласился, например, Вл. Ходасевич. Он был против отождествления поэта с пророком, что приводило, по его убеждению, к непомерно завышенным требованиям, предъявляемым к творческой личности. «Падения творческого не было по той причине, что пророком Пушкин не был и таковым себя не мнил. Зато не было и катарсиса в том смысле, как о нем говорит Булгаков», - заключал оппонент автора «Жребия Пушкина» [7, с.492].

Следует, однако, отметить, что Ходасевич снизил пафос обсуждаемого вопроса. Трагическое, в его понимании, не имело, как у Булгакова, мирового, глобального смысла. Но сам масштаб личности «великого сына России» диктовал Булгакову столь высокий уровень осмысления его судьбы человека и поэта.

Конечно, Булгаков стремился в этических и творческих устремлениях Пушкина найти прежде всего аргумент в пользу своего религиозного идеала. Но нельзя не признать, что руководила им любовь к поэту. О. Сергей Булгаков был прав в главном: поэзия Пушкина будет нужна людям во все времена, ибо ей суждено играть роль путеводительного компаса, по которому искусство и общество должны сверять свои идеи и свою жизнь.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Свет Невечерний. – Сергиев Пасад, - 1917.
2. Булгаков, С.Н. Жребий Пушкин // Пушкин в русской философской критике. – М., Книга, - 1990. С.270-289.
3. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество // Сочинения в 2 т. – М., Наука, 1993. Т.2. С.302-343.
4. Булгаков С.Н. От автора // Два града: исследования о природе общественных идеалов. В 2 т. – М., 1911.
5. Булгаков, С.Н. Моцарт и Сальери // Тихие думы. М., Республика, -1996. С.46-51.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., Русский язык, 1978-1982.
7. Ходасевич, В. «Жребий Пушкина», статья О. С.Н. Булгакова // Пушкин в русской философской критике.